

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А. БЛОКА И М.А. БУЛГАКОВА

Аннотация. В настоящей статье проводится сравнительный анализ апокалиптических мотивов в поэме А.А. Блока «Двенадцать» и романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». Исследование фокусируется на эсхатологической образности как ключевом инструменте художественного осмысления революции и Гражданской войны. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного изучения осмысления библейских текстов в русской литературе переходной эпохи. В работе доказывается, что, несмотря на общность тематики, авторы демонстрируют принципиально различные стратегии репрезентации исторического катаклизма. Поэма Блока интерпретируется как воплощение идеи необратимого конца, где центральными становятся символы мирового пожара и демонической вьюги, а амбивалентный образ Христа в финале подчеркивает парадоксальное сочетание надежды на преображение и осознания разрушительной природы революционного хаоса. В противовес этому, роман Булгакова рассматривается через призму циклической модели истории, где апокалипсис понимается как этап необходимого разрушения, ведущего к возрождению. Особое внимание в статье уделяется анализу системы сновидений, выполняющей пророческую функцию и насыщенной апокалиптической символикой, а также трансформации пространства Города под воздействием демонических сил. Методологической основой статьи выступают сравнительно-исторический и структурно-семантический подходы, позволяющие выявить специфику художественного воплощения эсхатологических и апокалиптических тем. Структурно-семантический анализ раскрывает символику ключевых образов и сцен. Сравнительный подход позволяет выявить два различных способа художественной рефлексии: блоковская модель стремительного конца противопоставляется булгаковской концепции апокалипсиса как трагического, но необходимого преображения, что отражает разнообразие творческих ответов на исторические потрясения начала XX века.

Ключевые слова: Блок; Булгаков; «Двенадцать»; «Белая гвардия»; апокалиптические мотивы; эсхатология.

Сведения об авторах: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета; ORCID 0000-0002-3916-9896; Чапаева Диана Муратовна, студент 4 курса кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru; loveis171203@mail.ru.

O.M. Kultysheva, D.M. Chapaeva

APOCALYPTIC MOTIFS IN THE WORKS OF A.A. BLOK AND M.A. BULGAKOV

Abstract. This article provides a comparative analysis of apocalyptic motifs in A.A. Blok's poem "The Twelve" and M.A. Bulgakov's novel "The White Guard". The research focuses on eschatological imagery as a key tool for artistic interpretation of the revolution and the Civil War. The relevance of the work is determined by the need for a systematic study of the understanding of biblical texts in the Russian literature of the transitional era. The paper proves that, despite the commonality of the subject, the authors demonstrate fundamentally different strategies for representing the historical cataclysm. Blok's poem is interpreted as the embodiment of the idea of an irreversible end, where the symbols of world conflagration and demonic blizzard become central, and the ambivalent image of Christ in the finale emphasizes the paradoxical combination of hope for transformation and awareness of the destructive nature of revolutionary chaos. In contrast, Bulgakov's novel is viewed through the prism of a cyclical model of history, where the apocalypse is understood as a stage of necessary destruction leading to rebirth. The article pays special attention to the analysis of the dream system, which performs a prophetic function and is saturated with apocalyptic symbols, as well as the transformation of the City space under the influence of demonic forces. The methodological basis is based on comparative historical and structural-semantic approaches, which make it possible to identify the specifics of the artistic embodiment of eschatological and apocalyptic themes. The structural and semantic analysis reveals the symbolism of key images and scenes. The comparative approach allows us to identify two different ways of artistic reflection: Blok's model of the impetuous end is contrasted with Bulgakov's concept of the apocalypse as a tragic but necessary transformation, reflecting the diversity of creative responses to the historical upheavals of the early 20th century.

Key words: Blok; Bulgakov; "The Twelve"; "The White Guard"; apocalyptic motifs; eschatology.

About the authors: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University; ORCID 0000-0002-3916-9896; Chapaeva Diana Muratovna, fourth-year student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University.

Contact information: 628609 Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 305; tel.: 8 (3466) 273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru; loveis171203@mail.ru.

Осмысление исторических катастроф через призму апокалиптических образов стало одной из характерных черт русской литературы начала XX века. В творчестве А.А. Блока и М.А. Булгакова эсхатологическая тематика получает глубокое художественное воплощение, раскрывая метафизическую сущность переломных исторических событий.

В поэме А.А. Блока «Двенадцать» эсхатологические ожидания русской культуры находят предельное художественное выражение. Как отмечает К.В. Мочульский, тема

«крушения старого мира» была центральной для Блока, восходя к «эсхатологическим предчувствиям его юности, слившимся сначала с апокалиптикой учителя Вл. Соловьева, потом с декадентским *fin de siècle* (болезнь века)». В «Двенадцати» эти ожидания превращаются в «исполнившееся пророчество» (Мочульский 2022: 399).

Центральным апокалиптическим символом становится мотив мирового пожара, который трактуется как очистительная жертва: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови – / Господи, благослови!» (Блок 1969: 20). Блок верил, что «старый мир кончен весь, со всем его дряхлым скарбом: религией, культурой, искусством» (Мочульский 2022: 399).

Символика хаоса получает развитие в мотиве демонической вьюги, которая становится универсальным образом революции как слепой силы. Мочульский указывает, что «революция – стихия – ветер. И ритмы и звуки – ветровые: мир закружился, полетел, все сорвалось с места». Е.В. Грудина улавливает в этой стихии демоническую природу, проводя параллель с «Откровением Иоанна Богослова»: «к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Откр. 2021: 3:4).

Состояние двенадцати красногвардейцев характеризуется духовным ослеплением. Грудина интерпретирует их путь через евангельскую аллгорию о «слепых вождах слепых» (Грудина 2018: 60). Мотив вседозволенности («ко всему готовы, ничего не жаль») рассматривается как характерный признак отмены Божественного закона любви.

Центральным и наиболее дискуссионным образом в финале поэмы, безусловно, является фигура Христа. Как отмечает Мочульский, сам Блок переживал внутреннюю борьбу по этому поводу: хотя поэт был убеждён, что «Христос идет перед ними – несомненно», его сознание одновременно порождало «страшную мысль» о необходимости прихода «Другого» (Мочульский 2022: 409). Эту идею пародийности, а не сакральности образа развивает Грудина, указывая на ряд знаковых подмен: искажённое написание имени «Исус», водружённый вместо креста «кровавый флаг», а также двенадцать «апостолов» с «винтовочками стальными», что в совокупности позволяет ей говорить о явлении лжехриста (Грудина 2018: 59).

Интересно, что христологическая символика проецируется и на другой ключевой образ – Катьки. Исследователь М.Ф. Пьяных проводит тонкую параллель между героиней и Христом, акцентируя внимание на детали её описания: «зубки блещут жемчугом». Этот образный ряд перекликается со «снежной россыпью жемчужной» – традиционным атрибутом Спасителя, что, по мнению учёного, усиливает мотив жертвенности (Пьяных 1976: 26). Таким образом, Катька в рамках символического прочтения воплощает собой Россию, принесённую в жертву двенадцати красногвардейцам.

Глубоко личное понимание образа Христа получает развернутое выражение в тексте письма, которое Блок направил художнику Ю.П. Анненкову: «...Христос с флагом» это ведь «и так, и не так». Знаете ли Вы (у меня – через всю жизнь), что, когда флаг бьется за ветром (за дождем или за снегом и, главное, – за ночной темнотой), то под ним мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несет, а как – не умею сказать). Вообще

это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как может быть, хуже всего сумел сказать в «Двенадцати» (по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на критики)» (Блок 1983: 514).

Помимо трудноуловимого образа Христа, важнейшим структурным элементом поэмы становится цветовая символика. В поэме «Двенадцать» противопоставление красного и белого цветов образует сложное, но целостное единство. Эта антиномия находит глубокое обоснование в библейских текстах, в частности, в пророчестве Исайи: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» (Ис. 2021: 1:18). Апокалипсис Иоанна развивает эту символику, связывая белый цвет с чистотой и праведностью, что проявляется в образах «белых одежд» святых (Откр. 2021: 3:4) и «белого престола» Вседержителя (Откр. 2021: 20:11). Сам Блок в «Записке о “Двенадцати”» отмечал: «Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над ними. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать” <...>». При этом радуга, будучи разложением белого света, символически объединяет духовное и земное. Ключевым для понимания этого единства становится образ очистительной жертвы: в Апокалипсисе одежды, «обагрённые кровью» (Откр. 2021: 19:13), и омовение «кровью Агнца» (Откр. 2021: 7:14), делающее одеяния белыми, раскрывают глубокую взаимосвязь красного и белого как символов искупительной жертвы и очищения.

Символика названия поэмы отсылает к тексту «Откровения»: «Подобное совпадение названия поэмы с номером главы и стиха "Апокалипсиса" вряд ли можно рассматривать как случайность». Апокалиптика в «Двенадцати» проявляется на всех уровнях текста, создавая многомерную картину исторического катаклизма, в которой парадоксальным образом сочетаются надежда на преображение и осознание демонической сущности революционного хаоса.

В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» апокалиптическая образность становится основой художественного осмысления Гражданской войны. Исследователи справедливо отмечают, что Апокалипсис выступает здесь «основным метасюжетом» (Гаспаров 1993: 101), что подтверждается уже эпиграфом из «Откровения Иоанна Богослова», задающим тему Страшного Суда. Эта смысловая доминанта определяет композиционное построение произведения, где «начало отражается в финале и наоборот – финал отсылает обратно к началу», создавая эффект циклического исторического времени.

Особую роль в раскрытии эсхатологической темы играет система сновидений, представляющая собой целостный художественный феномен. В условиях всеобщего крушения привычного мира сон становится пограничным состоянием, «временной смертью», через которую герои соприкасаются с потусторонним. Пророческая функция снов проявляется в вещих видениях, предрекающих гибель: в «вещем сне» Алексея Турбина о Рае содержится «намек на возможную гибель Николки», а также гибель Най-Турса. Эта линия получает развитие в сновидении Елены, где Николка является «с гитарой, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками» (Федунина 2011: 43).

Образность снов насыщена апокалиптической символикой. Параллель между «мученическим венцом» на лбу мертвого Най-Турса и «желтым венчиком с иконками» на лбу Николки во сне Елены актуализирует тему жертвенности. Атрибуты «райского» облика в сне Алексея Турбина отсылают к апокалиптическому образу Нового Иерусалима, противостоящего земному хаосу.

Пространство Города трансформируется под воздействием демонических сил. Петлюра и его войско осмысляются как «воплощение дьявольских сил», а сам Город становится «фантомом». Мотивы тьмы и тумана, сопровождаемые словами «тревожно», «страшно» или «неясно», создают атмосферу всеобщего размывания границ. Снежный «потоп» и метель в контексте эпитафии «обещает скорые перемены: одни склонны видеть в этом грядущий Апокалипсис, другие – очистительную бурю» (Орлова 2008: 20).

Внутреннее состояние героев характеризуется мотивом тоски и страха как предчувствия рокового конца: «мировую тоску ощущают и герои "Белой гвардии". Алексей Турбин, Елена, Русаков», а их страх есть «начало конца». Символика звезд, чье падение трактуется как знамение, непосредственно сигнализирует о катастрофе: «разрывается в замерзшей веси звезда Марс», «брызжет огнем», а следом «тотчас хлопнула вторая звезда» – и «исчезло все, как будто никогда и не было» (Булгаков 1989: 422).

Также образ Михаила Шполянского является ключевым для раскрытия апокалиптической тематики романа. Анализ его характера, выраженного через имя, позволяет выявить его связь с космическим противоборством сил света и тьмы. Павел Флоренский усматривает в этом имени исключительно сильную духовную составляющую, что вписывается в логику битвы последних времен: «Михаил самой этимологией своей указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному: оно значит «Кто как Бог», или «Тот, Кто как Бог». Оно означает, следовательно, наивысшую ступень богоподобия. Это – имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в ее осуществлении, в ее посланничестве. Это – мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому – спасение, а кому – гибель» (Флоренский 2007: 368). Однако в мире романа эта «энергия Божия» оказывается извращенной и служит иным силам. Шполянский, наделенный нездешней энергией и коварством, воплощает собой предвестие конца света. Булгаков прямо указывает на его демоническую природу: «Он молод. Но мерзости в нем как в тысячелетнем дьяволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок...» (Булгаков 1989: 416). Эта характеристика напрямую связывает его с «человеком греха» из апокалиптических пророчеств. Михаил Семенович Шполянский в романе играет роль предтечи Антихриста, чье появление знаменует начало последней битвы. Эту двойственность небесного начала подтверждает Флоренский: «Небесное – не значит непременно хорошее, как и земное – не значит плохое» (Флоренский 2007: 369). Следовательно, в апокалиптической парадигме Булгакова имя Михаил несет в себе не созидательный, а разрушительный заряд потусторонней энергии, становясь знаком грядущего демонического царства.

Финал романа предлагает циклическую модель гибели и возрождения через «реализацию мифологической модели воскресения через смерть». Ночная тьма,

расцветающая россыпью звезд, утверждает цикличность времени: упадок, угасание и смерть ведут к новым возрождениям, что составляет суть булгаковского историсофского апокалипсиса.

Анализ апокалиптических мотивов в «Двенадцати» Блока и «Белой гвардии» Булгакова выявляет различные стратегии художественного осмысления исторического катаклизма. Булгаков через циклическую модель времени и систему сновидений представляет апокалипсис как трагическое, но необходимое преобразование, ведущее к возрождению. Блок же создает образ стремительного, необратимого конца старого мира, где революционная стихия несет в себе как очистительное, так и демоническое начало, что находит наиболее яркое выражение в амбивалентном образе Христа, венчающем поэму.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Л.: Художественная литература, 1983. Т. 6. Письма. 1898–1921. 784 с.

Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М.Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1969.

Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах. М.: Художественная литература, 1989. 623 с.

Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.

Грудинина Е.В. Трансформация образа Иисуса Христа в творчестве А. Блока: от ранней лирики к поэме «Двенадцать» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 54-64.

Мочульский К. В. Александр Блок / Константин Мочульский. Москва: Юрайт, 2022. 442 с.

Орлова О.А. Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова (на материале романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Орлова Ольга Анатольевна. Москва, 2008. С. 20-22.

Откровение святого Иоанна Богослова // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в синодальном переводе. М.: Московская патриархия, 2021. Гл. 20. 1357 с.

Пьяных М.Ф. «Двенадцать» А. Блока. Л., 1976. С. 26.

Федунина О.В. Система снов в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»: сквозные мотивы // Челябинский гуманитарный университет. 2011. № 2. С. 42-45.

Флоренский П. Имена / П. Флоренский. М.: Эксмо, 2007. 369 с.

© Култышева О.М., Чапаева Д.М., 2025